

We/Мы. - 1993. - окт. - с. 10.

ПРОФЕССИЯ — ИЗГНАННИК,

или Как блудные сыновья российской литературы возвращаются в роли пастырей

С писателем Юрием Милославским
беседует критик Виктор Малухин
Специально для "We/Мы"

Юрий Милославский — русский прозаик и литературовед, давно живущий в эмиграции. После отъезда за границу он вел в течение нескольких лет православные передачи на радио "Свобода". Милославский был также с 1981 по 1990 год корреспондентом "Свободы" на Ближнем Востоке. Сейчас Юрий Милославский работает в Мичиганском университете в Анн-Арборе, специализируясь на творчестве Пушкина. Его последний роман "Укрепленные города", в котором содержатся неортодоксальные оценки проблемы арабо-израильского мирного урегулирования, диссидентского движения в СССР, вызвал бурные отклики с прямо противоположными оценками в российской и зарубежной печати.

Его собеседник Виктор Малухин — независимый московский журналист и литературный критик.

Виктор Малухин: Юрий Георгиевич, я полагаю, что ни у меня, ни у кого-то еще нет основной отнети вас к полупочтенной категории именитых советских иностранцев, которые заявляют время от времени на свою историческую Родину в образе то ли бродячих пророков, то ли экспертов по вопросам жизни и смерти, то ли учителей начальных классов в школе передового опыта. И все же — в каком качестве приехал в Москву Юрий Милославский?

Юрий Милославский: Очень надеюсь, что в качестве писателя. Что же касается моих коллег по проживанию за пределами Отечества, то ваш, Виктор Николаевич, пассаж в их ад-

рес, конечно, справедлив. Я только хотел бы напомнить, что эти самые писатели, а по совместительству пророки, эксперты и учителя, сделали так: по воле своих московских хозяев.

Скажу больше — сюда, в Россию, их часто приглашают именно в качестве ревизоров. Причем некоторые из них пытались в свое время не то чтобы отпираться от обвинений в этом, но тихонечко оправдываться, поясняя, что они не вполне ревизоры. А к ним обращается городничий в лице советской интеллигенции и упрощает: "Иван Александрович, ну пожалуйста, обрежьте нас, очень просим!" — "Че же сердце не дрогнет? Естественно, приезжают, ревизуют."

Так что процесс здесь встречный. Хотя за последние полтора-два года произошли какие-то изменения. Когда я приехал впервые, а затем еще раз, в 1991 году, то не мог не отметить одного обстоятельства. Помимо прямой выгоды от общения с русским иностранцем: ну там организовать при его помощи стажировочку в каком-либо заграничном университете, валютки ли при его содействии сшибить в каком-либо на ешь заграничном издании — помимо всего этого наличествовал вполне искренний и, я бы сказал, бескорыстный восторг перед лицом этого удивительного, совершенного существа, того, кто возведен судьбою в перл творения, будучи удостоен высшей из всех возможных наград: бессрочной заграничной командировкой.

Ведь постсоветский человек уезжает за границу на время — на неделю, на месяц, на год-полтора, что само по себе уже

Юрий Милославский (слева) и Виктор Малухин.

знак успеха, но уж если кто-то благодаря своей невероятной сметке навсегда там остался и укоренился, то он явно не может быть не кем иным, как сверхчеловеком. Однако сегодня я вижу, что прагматический момент, а проще говоря фарцовка, выходит на первый план. То есть с нынешнего визитера стригут капусту без всякого романтического восхищения перед образом преуспевающего эмигранта.

В. М.: Но ведь согласитесь, что всем нам более других удаются как раз те социальные роли, к которым у нас есть внутреннее призвание...

Ю. М.: Разумеется. Именно поэтому наши именитые иностранцы в не меньшей степени, чем принимающие их здесь, нуждаются в этих вояжах.

Прежде всего ради регулярного подкрепления в метрополии своей репутации, что приносит известные дивиденды на Западе. Причем эта подпитка имиджа обходится в России баснословно дешево, принимая во внимание нынешний курс доллара. В итоге единодушное и восторженное признание со стороны свободной отечественной прессы разорит истосковавшегося по родным осинам гостя едва ли на стоимость пары колготок.

Вообще же, следует хорошо понять следующее. Подавляющее большинство эмигрантских авторов с чрезвычайным унынием и беспокойством встретило события, известные под именем перестройка. Эти люди всерьез опасались, что их новые хозяева, или спон-

соры, или в широком контексте западное общество, не сегодня-завтра с полным основанием зададут вопрос: итак, ситуация на вашей родине радикально изменилась, и, значит, причины, вызвавшие вашу эмиграцию, все эти неслыханные мучительства и страшные пытки, которым вы подвергались в СССР, все эти парткомы Союза писателей, где вас били кнутом и рвали вам ноздри, — все это ныне, слава Богу, в прошлом, так что не терять ли ваше героическое пребывание в эмиграции оттенок мученической жертвенности, приобретаая взамен более прозаический, но меркантильный смысл?

Но, к счастью, этого не произошло, такого вопроса никто не задал. И тогда мои коллеги, писатели-эмигранты, дружно устремились в бывшее Отечество за подтверждением своей творческой и моральной кредитоспособности. Состоялись незабываемые встречи, Родина покаялась и вымолила прощение у блудных сынов.

В. М.: То есть состоялась как бы легитимация нового эмигрантского статуса для "старых" эмигрантов? Россия выписала своей интеллигенции бессрочную эмигрантскую подорожную?

Ю. М.: Да. К тому же для членов бывшего СП СССР эта операция прошла тем проще, что в Москве их встречали с распростертыми объятиями знакомые все лица. Как было предсказано: "...И братья меч вам отдадут". А также квартиры, дачи, книжные издания, прессу и т.д.

Подоплека же, которая отсюда не видна, состоит вот в чем. Не имея сильных позиций ни в эмигрантской среде, ни, тем более, в американском обществе, бывшие советские кумиры потянулись за подтверждением своих полномочий в

Россию. А получив таковое, явились Америке в качестве чрезвычайно влиятельных персон, имеющих право на особое отношение к себе.

Механизм, как видите, совсем не сложный, однако данный процесс угасает, поскольку все сливки с перестройки уже сняты. Теперь такие визиты приобрели рутинный характер, в Россию повалил писатель-эмигрант из третьей лиги, в итоге российский интеллектуальный рынок заполняют графоманские или паранойальные излияния вроде сочинений какого-нибудь господина Кустарева. Что означает благополучное завершение ревизии, о которой мы говорили выше.

В. М.: Означает ли сказанное вами, что правило не знает изъятий, что все участники интеллектуального сопротивления коммунизму, волею судеб ставшие эмигрантами, в равной степени оказались более верны своему нынешнему уровню потребления, нежели нравственному долгу перед Россией?

Ю. М.: Не требуйте от меня абсолютной объективности, ибо я сам являюсь русским писателем, живущим за границей. Таким образом, все персональные уточнения, совершенно естественно, носили бы пристрастный и тенденциозный характер: ни сам я, ни тот, кто взялся бы опровергать меня, не свободны от литературных и человеческих симпатий и антипатий. Поэтому я предпочитаю обходиться без фамилий, говоря о процессе в целом. Процесс же именно таков, это как раз то, что называется и смех и грех. Вот я и смеюсь...

В. М.: А я, напротив, усматриваю больше оснований для печали. И одновременно, как и многие мои соотечественники, не могу не чувствовать себя задетым тем обстоятельством, что несчастная наша страна,

даже став свободной, не прибавила себе привлекательности в глазах не самых бесталаных из ее сынов. Политическая эмиграция может возвращаться в Испанию, в Грецию или в Иран, но не в Россию. Почему?

Ю. М.: Уехавшие из слабо-развитых стран, будь то в Африке, в Азии или в Восточной Европе, и в самом деле не стремясь вернуться на родное пепелище, об этом я знаю доподлинно. Нескольким лет назад мне довелось выступать с докладами на двух международных конференциях, где собирались, условно говоря, изгнанники. Там были представлены и писатели из таких стран, которые не назовешь особо обделенными. И тем не менее собравшиеся авторы предпочитали прозябать где-нибудь в Скандинавии или в Америке.

Почему бы, собственно говоря, не признать за человеком право жить в стране с более высокой, скажем так, материальной культурой, при этом получая некие дополнительные преимущества, вытекающие из статуса изгнанничества и сиротства? Занятие не слишком приятное и малоэстетичное, но, к сожалению, естественное.

Что касается других стран, помимо России, то и туда ведь мало кто вернулся. Мы можем сейчас с вами припомнить немало авторов, которые продолжают оставаться чешскими, польскими, венгерскими, нигерийскими и, я уж не знаю, какими еще писателями, одновременно проживая в Лондоне. Хотя пример с Лондоном не особенно удачен: там эмигрантов сравнительно немного, поскольку Англия страна бедная, жить лучше всего в Скандинавии, в Германии, в крайнем случае — во Франции. И конечно же, хорошие условия в США и в Канаде.

В. М.: Спасибо, я передам тем, кто интересуется. Но если говорить серьезно, общенародным мифом, национальным неврозом и Великой Русской Мечтой стала идея эмиграции из России. Вместе с тем, говоря вашими же словами в одном интервью, состоявшемся несколько лет назад, "эмиграция есть глубокое душевное унижение". Но в "хороших условиях", если я корректно сопрягаю обе посылки... Юрий Георгиевич, ваш взгляд на феномен изгнанничества делает неизбежным один трудный вопрос. Словом, "удобно ль на себе примерить", как выразилась Софья у Грибоедова...

Ю. М.: Разве это такой трудный вопрос? По-моему, так вовсе нет. Хотя бы потому, что сейчас я как раз готовлюсь к возвращению в Россию. Меня задерживают мелкие бытовые обстоятельства, но нет никаких серьезных причин, которые мне помешали бы это сделать. Как бы то ни было, свое пятидесятилетие я собираюсь встречать в качестве москвича или жителя какого-то другого русского города. Это вопрос времени, ближайшего времени.

В. М.: Рад это слышать, поскольку высоко ставлю вас как писателя и искренне симпатизирую вам как человеку. Но на вашем пути могут возникнуть препятствия, о существовании которых вы могли и позабыть за время американского профессорства. Например, в свое время я порадовался за моего друга Владимира Войновича, которому Горбачев предоставил прекрасную квартиру взамен некогда отобранной. Но у меня нет никаких оснований радоваться за другого гражданина России, другого моего друга — Эдуарда Лимонова, которому мэрд-демократ до сих пор отказывает в крыше над головой. Вы не боитесь оказаться в ситуации Лимонова, а не Войновича?

Ю. М.: Я действительно об этом пока не думал. Что же касается отнятых квартир, то их отнимали у всех, кто покидал страну, так что писать трагедию на этом материале я не собираюсь.